

Серия Озарения премии-медали Артура Рембо

Михаил Шустерман

ИЗБРАННОЕ

Том 2

Михаил Семенович Шустерман

Избранное. Том 2

Серия «Озарения (Интернациональный Союз писателей)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67754507

Избранное. Том 2: Интернациональный Союз писателей; М; 2022

ISBN 978-5-907564-40-4

Аннотация

В двухтомнике избранных стихотворений собраны стихи, написанные поэтом в 2017–2021 годы. Условно их можно разделить на любовную лирику, философское осмысление мира и публицистику.

Представляет особый интерес отношение автора к проблемам эмиграции советских евреев и их адаптации к сложной многослойной структуре израильской действительности, а также попытка понять и отразить те социальные, философские и физиологические изменения, которые в жизнь привносит возраст.

Интерес для читателя представляет и то, что автор пользуется многоцветной языковой палитрой, выстраивает религиозные, исторические и научные параллели в создании интересных поэтических полотен.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Об авторе	6
«Я не виню себя ни в чём...»	9
«Я чувствую вину за то, что не случилось...»	12
Поймите и вы...	14
Письмо другу	16
«Старые стали мы, старые...»	18
«А в нашем Риме было всё в порядке...»	21
Аnekдоты, аnekдоты...	24
Антисемитизм – это зависть раба к творцу	28
«Артист падёт в свершении творенья...»	30
Баллада ко Дню независимости	32
Звыняйтэ, дядьку...	34
Белла донна	36
«Белые девки в Дубае...»	38
«Был выходной у скотника Василия...»	40
«Было в нашей жизни скотской...»	42
«В Израиле не тают январи...»	45
«В историю лезут скопом...»	47
«Так где ж вы нынче, судьи Эвиана...»	49
«В том мире, что мы чистим...»	51
«В наш новый век шутов и недоучек...»	54
«В Одессе на Привозе продают паровоз...»	56
«Если ты уже разбужен...»	58

Вид сверху	60
Всё путём...	62
«Всё, что ушло, всуе-всуя...»	64
«Всему виной головоногие моллюски...»	66
«Говорят, что строг товарищ Путин...»	68
Год 2020	71
«Гордись, израильский народ...»	73
«Мир грешен, жёсток и неласков...»	77
«Да, есть невидимая жизнь...»	80
«Да что ж за мир, в котором мы живём...»	82
День единения...	84
День Победы	86
«О День победы, майскою Москвой...»	88
«Что ж предъявить “свободному” народу...»	89
«О люди-волки, ящерицы, львицы...»	90
«Мои наручники откроет симбиоз...»	91
По поводу романа Димы Быкова «ЖД»	94
«На вопрос об отношении к Израилю...»	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Михаил Шустерман

Избранное. Том 2

© Михаил Шустерман, 2022

© Интернациональный Союз писателей, 2022

* * *

Об авторе

Шустерман Михаил Семёнович, учёный-химик, преподаватель, поэт и переводчик.

Родился в 1947 году в городе Коростень, Украина. Отец, Шустерман Семён Маркович, воевал в партизанском отряде во время Великой Отечественной войны, окончил Ленинградскую высшую школу профдвижения в 1952 году и работал в профсоюзе работников железнодорожного транспорта. Мать, Хайкина Шифра Мееровна, пережившая блокаду Ленинграда, после окончания Ленинградского экономического института работала экономистом в отделении Юго-Западной железной дороги.

Окончил химфак Одесского государственного университета с красным дипломом в 1970 году.

В 1968–1971 году числился соискателем учёной степени кандидата философских наук на кафедре философии Одесского университета, но не завершил работу, будучи призванным в ряды Советской Армии.

Работал учителем, директором школы, лектором, учился в Высшей партийной школе в г. Киеве в 1981–1983 гг.

В 1990 году эмигрировал в Израиль, где после окончания курсов Техниона в г. Хайфа работал учителем в старших классах средней школы «Ронсон».

В 2001–2005 гг. заочно учился в аспирантуре Санкт-Петербургского государственного университета, где в 2005 году защитил кандидатскую диссертацию по компьютерным ме-

тодам исследования химических процессов. Автор двух научных статей.

Окончил двухгодичные курсы общественных лидеров израильской партии «Авода».

В 1996 году после долгого перерыва написал первый сборник стихов на русском языке, а в 2000-м – на иврите.

В течение последующих лет выпустил ряд поэтических сборников на обоих языках. Автор уникальных переводов на иврит стихов Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского.

Член-корреспондент Международной Академии науки и искусства Интернационального Союза писателей.

«Я не виню себя ни в чём...»

Я не виню себя ни в чём.
Пусть глупо я глаза таращил,
По телу буйствуя бичом.
И, жизнь укладывая в ящик,
Я не виню себя ни в чём.

Лечил истерикой ума,
Ковал себя холодной ковкой.
Не строил, но любил ломать,
В еде пренебрегал готовкой,
Чтоб время жизни не терять.

Что знал – ни с кем я не делил,
В других умах не повторяясь.
И потому дышал, что жил,
Свою исчерпывая малость,
Которую по каплям слил.

Откладывал икру и яйца,
Берёг небесную пайцзу...
Разбрасывал дары данайца
На те вершины, что внизу,
Слияньем клавиши и пальца.

Белея, распадутся дни
В изысканной аптечной коме.
Был я – останутся они
С ненужным блеском на изломе
Льда, в окружены полыны.

Свет короток, а ночь бледна.
Мне чёрные карлицы снятся...
И грешных помыслов цена
Равна невписыванью в святцы
Имён, хранящих времена.

Прощаю. Слабость не порок.
Не вышло. Колокол сорвался.
Забыл пророчество пророк,
А тот, который мною звался,
Уже не мною быть не мог.

Ушёл. Повинен и прощён.
В звериной стае бессловесен.
Так и не высказанный сон
Не отыскал слова для песен,
Пропал – невидим, невесом...

Я каждый, кто застыл во льду
Недосягаемости вышней,
Ненужный, я ещё приду,
Чтобы уснуть под вашей крышей,
Стихи оставил на виду.

2021

«Я чувствую вину за то, что не случилось...»

Я чувствую вину за то, что не случилось,
За то, что не сбылось, а сбыться бы должно...
За то, что сердце дня неравномерно билось,
За то, что жизнь моя проходит стороной.

Я говорю себе – тебя никто не видел.
Несделанному мной есть тысяча причин...
Я чувствую вину за то, что не обидел,
Что мерами я не отладил величин.

За то, что не сказал «спасибо» за услугу,
За то, что в щёку мать неловко целовал...
За то, что наливал я спившемуся другу
Палёного ерша в его пивной бокал.

Пускай мой груз вины не так катастрофичен
И кафкианской тьмы пока что не достиг —
Я виноват за то, что я до скучного обычен,
Что Сольвейг не моя, и я, увы, не Григ.

Преступно отделять вину от покаянья,
Во искупленье лгать, пусть даже и слегка...
Я страшно виноват, что я пока не ранен,

До ужаса стыжусь, что не убит пока.

И кто бы ни был я – пусть Козерог, пусть Овен,
Тем, в дюжину чей знак небесный не вошёл...
Я чувствую вину за то, что не виновен.
И там, где вянут все, лишь я бесстыдно цвёл.

Нет, я не адвокат. Себе я обвинитель,
Я свой скелет в шкафу, трепещущая тварь...
Мне вечная вина – приятель и сожитель,
Голубизны небес сереющая хмаръ.

2021

Поймите и вы...

Понимаю ли я? Понимаю,
Что меня за медяк покупают
И за два медяка продают...
Крупный опт – это дули и дали,
В нём лишь сволочь всегда гениальна,
Я ж по мелочи, просто продукт.

По любви – где-то, как-то, кого-то,
Как посуду, сдавал мелким оптом,
Проклиная хозяев своих...
То ли я крепостной, то ль оседлый,
То ль под шарик работаю кеглей,
Как советско-израильский псих.

Смертью праведной я умираю,
Но лежу в ихнем кладбище с краю,
Даже если проснувшись с утра...
Я настолько неинтеллигентен,
Что пью водку заместо абсента,
И не любят меня доктора.

Понимаю ли я? Понимаю,
Что меня из меня изымают.
Протезируя тело и мысль...

Как зародыши из зоны комфорта,
Изымаются старость абортом,
Отправляясь в библейский круиз.

Как спецы поэтических специй,
Еретичствуем я и Гельвеций
В небожественном спектре луны...
И ядром, что напичкано рванью,
На подушках диванных буйню
И стреляю не с той стороны.

Письмо другу

Чего ж тебе всё не живется, старче?
То ль белый свет серее стал и марче,
И выпал пиками бубновый интерес...
Ты вспоминаешь время до потопа,
Коммунистическую версию гол-стопа
И интеллектуальный политес.

Что ж ты к земле всё прижимаешь ухо,
Ждёшь молодильных яблок для старухи
И долго объясняешься с детьми...
Присев, часами выбираешь позу,
А ночью – многословно пишешь прозу,
Ложась на содержание костыми.

Всё бегаешь от идеала множеств,
И промысел не понимаешь Б-жий...
Как птичка – мало ешь и мало пьёшь.
Перед отрезом мысли семь раз меришь,
С опаской открываешь людям двери
И звёздного гонца всё время ждёшь.

Уже не веришь телу ни на йоту.
Жизнь тянешь, как певец глухую ноту,
Заглядываешь истине под юбку...

Другие, те, что выглядят иначе,
Неинтересны, словно мелочь после сдачи,
И Дантов ад – уже не душегубка.

К успеху нынче не пылаешь страстью,
Остаться хочешь целым, а не частью,
И прячешь за ворчанием любовь…
Всё чаще ищешь золото в молчанье
И массой заполняешь дыры в пране,
Пятная ручкой белизну листов.

Прости себя – не ты тому виною,
Что твоё время проживаю мною
И жгу свечу забвенья с двух концов…
В себе я вижу каждого второго
И верю, что в начале было слово
Таких, как мы, забытых мудрецов.

«Старые стали мы, старые...»

Старые стали мы, старые...
Порознь бредущие парою,
Полные и сухопарые —
Дети осенней зимы...
Пренебрегая одеждой,
И, расставаясь с надеждою,
Будущим тянемся к прежнему,
Нос наблюдая с кормы.

Старые, но не исконные,
Как пассажиры вагонные.
Их измененья сезонные
Прочим почти не видны...
Телом своим озабочены,
И, привыкая к обочине,
Прячем в себе червоточину
Болью души и спины.

Все вполовину нездешние.
Но не святые, а грешные,
Держим привычки потешные
В строгой недвижности лиц...
Ищем в толпе одиночества,
И не понять, что нам хочется,

Ждём напоследок пророчества
О приближение границ.

Люди, стыдливо неловкие,
Хвост мы не держим морковкою
И наблюдаем за бровкою
Бурю опавшей листвой...
Жизнью слегка заторможены,
Годы в ломбарде заложены,
Тропы, что нами исхожены,
Снова покрылись травой.

В бездну уносятся месяцы,
Души по-ангельски светятся,
В небо ведущие лестницы
Видятся невдалеке...
Скромные и знаменитые,
Бившие и имибитые,
В память бетоном залитые,
Скоро уйдём налегке.

Может быть, что-то останется,
Кто-то о время поранится,
Новые странник и странница
В старость невольно войдут...
Мир измененьями выстелен,
Ложь – постаревшая истина,
Всё, что ещё не написано,
До написанья сотрут.

«А в нашем Риме было всё в порядке...»

А в нашем Риме было всё в порядке,
Пока не завелись жуки на грядке.
Пока среди рабов, потом плебеев,
Не наплодилось христиан-евреев.

Потом пришли норманны, гунны, галлы...
Все варвары, не интеллектуалы.
Под конь пустили римскую культуру
И потащили девок на натуру.

Где вы, сады сирийских антиохий?
Где математики, купцы и выпивохи,
Где Карфаген, Дамаск и Вавилон,
Богов тысячелетний Пантеон?

Пришла беда – так открывай ворота —
Похоже Рима византийская пехота...
И зародился там источник бед —
Взлетел с конём на небо Мухаммед.

Но перед этим он, не без изыска,
В Торе еврейской творчески порыскал
И перевёл, с грехами пополам,

На языке источника в ислам.

И мы имеем Ясу, Мусу, Ису,
Какую-то косую биссектрису,
Что делит ровный угол пополам —
Вот здесь иудаизм, а здесь ислам.

И рухнула великая культура...
Всех кяфиров достанет сабля-дура.
И женщины пустынно-жарких стран
Теперь рожают только мусульман.

Они грызутся, варвары Востока,
За право вольно трактовать пророка.
Чтоб доказать приоритет трактовки,
Угроют оппонента из винтовки.

А тех, кто попадётся по дороге,
Зарежут мирно с мыслями о Б-ге.
И снова мчит история галопом...
И варвары теперь бегут в Европу.

Напуганы, с детьми и безоружны,
Но это, разумеется, наружно.
Неутомимо воинство пророка
В брутальной чистке светского порока.

В перелицовке бюргерского хлама
В зелёное полотнище ислама.

И воспоют над Рейном муэдзины,
Закроются трефные магазины...

Затопит моду чёрная кирза,
От женских тел останутся глаза.
Потом Аллах предскажет нам погоду,
Где места нет еврейскому народу.

И где на десять тысяч лет вперёд —
Одна религия — один народ!
Так где же, Яхве, ты, скажи на милость?
Проснись, пока всё это не случилось.

Нет смысла, где-то лет уже полета,
Просить заступничества общего Христа.
Б-г сущего — останешься в не сущем,
Если тобой ислам на мир запущен.

Останутся в долине смертной тени
Потомки нерождённых поколений.
Так дай же ты слепцам отверзнуть очи!
Снабди, Господь, гипотезой рабочей.

Ведь ты, я верю, славно потрудился,
Чтобы такой, как я, на свет явился.

Анекдоты, анекдоты...

* * *

Сперматозоид оборзел в струе могучей:
Я яйцеклетку оплодотворю всех лучше!
Не поняли борзого в коллективе —
Ты чо? Мы ж все в одном презервативе!

* * *

Шесть комиссаров – руководство ВЧК —
К преемникам своим попали в плен...
И под столом дрожали, целые пока,
Двенадцать их израильских колен.

* * *

При автоматах, бывшие сидельцы

На сходку депутатов ворвались...
И гневно заорали – кто тут Ельцин?
А ну-ка, Николаич, наклонись...

* * *

Малыш пришёл к отцу с вопросом странным —
Мы тут поспорили, и вышло по нулям...
Пап, если крыса служит капитаном,
То кто последним сходит с корабля?

* * *

Володя вновь Россию взял за тити —
И слышит неприятные слова —
Вы что, меня в четвёртый раз хотите?
Прощай, моя больная голова!

* * *

Российский герб всё воедино свёл —

Державу, скипетр, трёх корон порядок...
И сам он – символический орёл!
Но с головами, свёрнутыми набок.

* * *

Американская ракета по пути
Над морем встретила российскую подругу.
И чтоб о том о сём поговорить,
Они решили полетать по кругу.

Ну, выпили подруги по одной,
Потом за дружбу выпили по паре...
Американка говорит: «Лечу домой!
Ну что я потеряла в этой сваре.

Вот только траекторий не свяжу —
Спьяну координаты потеряла...»
А наша говорит: «Я провожу!
И там допьём, чтоб не казалось мало».

* * *

Господь созвал всю ангельскую рать

И всех земных блюстителей закона.
Сказал – на небо Биби не пускать!
С таким рабом – останешься без трона.

Прощаю прегрешенья наглецу —
Подарки, взятки, бред его кампаний.
И ложь народу – вечному истцу.
Пускай сидит, пока Мессия встанет.

2019

Антисемитизм – это зависть раба к творцу

Не понимаю слова «антисемитизм».
Что это – гимн посредственности?
Стыд национальный?
Слепая ненависть в истерике формальной
Или недозадушенный садизм
Тысячелетних надписей наскальных...

Соль едкой зависти? Фальшивая струна,
Непониманье – как это возможно?
Сон веры истинной и поклоненье вере ложной,
Иль гнев на первого вечно второго бегуна,
Или чесоточная вонь болезни кожной...

Какого кади оскорбил вчера даян
Трактовкой приговора божьей кары?
Откуда страсть в тысячелетней сваре?
За что две девки – то Лилит, то Мириам —
Евреев клали в ров, как рыбу на базаре?

И почему у стран расстрельный гимн
Национален вне механики и формул?
В нём страсть к убийству презирает норму,
А люди-анти, о которых мы скорбим,

Фальшивым смыслом оскорбляют форму.

Я вас люблю, господних замыслов послы!
Рабов воображенья и бессилья.
Кто ж виноват, что в вас семиты жили,
Чей Б-жий дар, увы, евреи не спасли...
Но и антисемиты не сгубили.

2018

«Артист падёт в свершении творенья...»

Артист падёт в свершении творенья...
Не будет больше храмов для Софий.
Осыплются пейзажи де ла Пенья,
И на изображении стихий
Оставят дети пятна от варенья.

Высоких нот не повторит никто.
В примерочной – судьба Марии Каллас...
В Большом театре не крадут пальто,
И в нравственном цунами нам осталось
От миллиона баллов – только сто.

Потёмки странностей неразличимы в сером...
Не жрут солнца тяжёлый водород.
Уйдя, артист увёл своим примером
Весь заражённый творчеством народ,
Забывший театральные манеры.

Прощай, моя Вселенная, – семья
Полуизгоев, снятая с питанья.
В витринном одеяны холуя,
Потешник не в свои садится сани —
И цугом в королевские графья.

В том, в сотворенном, выверены грани,
Зазоры минимальны, звук пал в цвет...
В нём вечность почиет, как Бах в органе...
Устал творец – артиста больше нет,
А вопли труб убьют на барабане.

2018

Баллада ко Дню независимости

Привет тебе, отлявшая пса
И блеющая бестолочь внутри...
Привет покойникам из всех разбитых армий
И сволочам, что плонь и разотри.

И флагам тем, что на флагштоках рея,
Нацистскую сопровождали рать...
Нельзя стереть с лица земли еврея,
Которому на вас теперь насрать.

Ну, выкусили, что вкусить хотели?
Легли там, где укладывали нас...
Мы – квинтэссенция божественного зелья
Иных национальностей и рас.

Не нам стыдиться христианских истин
И демократий фиговых листков.
И в нашей мощи нет ни лести, ни корысти,
Лишь праздник избавленья от оков.

И боль поминования ушедших,
И трепет сине-белый в небесах...
Пускай нас многомиллионно меньше,
Зато мы выжгли суеверный страх.

Всегда нас окружали иноверцы
И ненавистью жгли песок пустынь...
Но в Б-жьей длани билось наше сердце,
За вас страдал его еврейский сын.

Вершись в веках, еврейская держава!
Дай музыку оркестрам и хорам.
Еврейство – твоя гордость, суть и слава,
А твой народ – твой нерушимый храм.

ЗВЫНЯЙТЕ, ДЯДЬКУ...

Вы мне Израилем не фаршируйте яйца —
Нормальные, продвинутые идн
Уже давно в Канаде и Флориде,
Где из арабов — лишь индийцы и китайцы,
Да тётка-конгрессмен из сенегальцев —
Под эфиопку закосила, гнида...

Шо я имею? Нервы и горячку!
Тупой иврит с культурою убогой...
Арабов с кирпичами на дорогах,
Ночную беготню у раскорячку.
Пейсатых, шо ломают руки-ноги,
И дым от заживо сгоревшей ночью тачки...

Пойдёшь у супер — три украинских зарплаты!
В больницу — ждёшь полгода, чуть живой...
Китайским ковидом болеешь головой —
А те, шо поумней, жиরуют в Штатах,
Не предаваясь страсти половой
В открытых для придурочных миклатах.

Не говорите мне, шо тут тепло, —
Сейчас здесь не тепло, а просто жарко...
Пока тебя не превратили в шкварку,

Тебе расскажет местное трепло,
Шо ты сюда зашёл за контрамарку
И зря потратил местное бабло...

Я знаю, что на выходе решётки,
Нас по рублю имеет арабьё...
Я, пацаны, готов оставить всё моё
И взять с собой одну зубную щётку
Туда, где негритянское зверьё
Имеет нас за пейсы и бородку...

Куда бежать и где найти приют?
Где не покосят нас дожди косые?
Туда, где примут нас нагими и босыми,
С любовью нас жидами обзовут...
Где снова повоюем за Россию,
За Партию и за бесплатный труд!

Товарищ Путин! Вы большой учёный!
Шо вам религия, когда Вы сами Б-г...
Прошу Вас – не пускайте на порог
Таких, как я, кассамом посечённых, —
Захочет Б-г – средь мечетей и синагог —
Спасёмся силами гражданской обороны!

Белла донна

Алла Пугачева купила место на Кузьминском кладбище
Живая, как обретшая реальные очертания смерть,
Как увядшая плоть, не способная к размножению...
Глаз пупка сквозь зрительское веко продолжает смотреть
На колдовство её публичного самосожжения.

Всё ещё колобродят составляющие её
Пьянящая слава, хрупкие кости и увеличение печени...
В 2020 откаркало её побелевшее вороньё,
А плоские экраны помётом других птичек помечены.

Остались белые зубы и упорная костная ткань.
Хрипотца в голосе выбрирует, как эхо простуды...
Память о ней, как небесная река Потудань,
Останется вечности, как вода в верблюде.

За порогом – проводы эпохи женщин и мужчин,
Чей талант окупает смертную плоть.
Уходит женщина так и не осознанных величин,
Не сумевшая мужчину в себе побороть.

Время – Б-жье проклятие тела и разума —
Крушит ахиллесовы сухожилия, будто они мокры...
Среди по-заводскому одинаковых – она разная,

Как среди белых икринок горсть чёрной икры.

Теперь Кузьминское с ней – почти Ваганьково...

Выпет гимн революции королевой эпатажа.

Патриции оправляют тоги, плебеи гавкают...

Как чёрное золото памяти – её самосожжения сажа...

2020

«Белые девки в Дубае...»

Белые девки в Дубае
Дружно разделись до нитки
И парафиновой стаей
Греют ничейные титьки.

Молоды и разнопопы —
Кровь современного мира...
То ль — христианки Европы,
То ль — мусульманки Эмира.

Ну, растянувшись киски,
Радуя нюхом и видом —
Это ж не лагерь фашистский
И не разносчицы СПИДа.

Не бляди и не рабыни —
Вышли погреться за деньги...
Не держат в руках карабины,
Выстроившись в шеренги.

Мало мы видели мяса,
Что упаковано в кожу?
Хрена ль устроили пляски
Скотостыдливые рожи?

Чем напугала Россию
Плоть Украины с Молдовой?
Что ж вы оформили в свиньи
Тёлок священной коровы?

Это венцами природы
Светит балкон султаната...
Девки – источник народа,
А не персоны нон-грата.

2021

«Был выходной у скотника Василия...»

Был выходной у скотника Василия...

Он зачитался Гегелем с утра.

Потом нашёл на карте Абиссинию,

Потом смотрел, как пашут трактора.

Пошёл селом – по тропке, меж заборами...

Оправился под деревом в тени...

А тут и председатель с разговорами

О том, что нынче ночи кормят дни.

Зашёл в избу и сел на лавку, в подпечье,

Налил в стакан кваску из погребка...

Такой была, ребята, наша вотчина,

Что люба сердцу, пусть и нелегка.

А тут – понапришли и понехали...

Мы волчья съть и травяной мешок...

Дома стоят родительскими склепами,

Не жизнь живёшь, а просто тянешь срок.

Земля бетоном залита по косточки...

Ржавеют в эмтээсе трактора...

Василий наш, с утра нажравшись водочки,

Читает хренотень из-за бугра.

На «меринах» пылят бояре новые,
Колхозные угодия круша...
Навеки он прощается с коровами,
И рвётся у Василия душа.

Как будто нервы на кулак намотаны —
Жить в этом мире не осталось сил...
И вынул Вася из кармана сотовый,
И Сталину в могилу позвонил.

Вот из стены, вотще глазами пяленной,
Сквозь гул помех и сквозь заглушки дождь
Услышал Вася-скотник голос Сталина:
«Пошёл ты на хер, я уже не вождь».

2017

«Было в нашей жизни скотской...»

Было в нашей жизни скотской
То, чего не должно быть.
Пел в СССР Высоцкий —
Пел, хотя хотелось выть.

Шёл поэт не в ногу с веком,
Полз по минам и соплям...
Нашей совести калека,
Небиблейский великан.

Мял в руках, как глину, душу,
Нервы в струны превратив...
Правды золотил полуушку
На крестном своём пути.

Пил, как водку, ярость черни
В огороженном раю,
Был аортой, мозгом, нервом
Этой жизни на краю.

Рвал себя бессонной ночью
В каждой песне на куски
Наших бед чернорабочий,
Голос боли и тоски.

Жизнь бежал, как стометровку,
Ноги в руки, не дыша...
И, с ружьём наизготовку,
Власть любила малыша.

Всё, что мог, сказал и умер,
Пережив слегка Христа.
Как слагаемое в сумме
Меток Б-жьего перста.

Брал не голосом, не телом,
Брал он костью и хрящом.
Отболело? Отболело...
Но не зажило ещё.

Промокая капли фальши
В нашем скомканном бреду,
Тащит наши души дальше,
Куда туши не идут.

Впрягся в пристяжь – рвутся жилы,
Нимбом вверх хомут торчит...
Чтоб не мёрли мы, а жили,
Он хрипит, хрипит, хрипит...

Православный забулдыга,
Галахический еврей...
Непрочитанная книга,

Хриплогласый соловей,

Пепел клаасов беспутных —

Всё он плачет и смешит...

Диссонанс культур галутных,

Русской образец души.

2019

«В Израиле не тают январи...»

В Израиле не тают январи,
Стекая в лоно марта февралями...
До половины дня луна горит,
Сгибая солнца яростное пламя.

Приходит время мартов, и земля
Кружит в апрелях
Цветовую гамму...
И майская цветная конопля
Взрывает мозг, овладевая нами.

Июней обалдевшая листва
Промеж плодов по райскому разлита...
И солнце августа долбит, как булава,
Солёный воздух с Родоса и Крита.

Условна осень здешних сентябрей,
Нет пресных капель в октярях шалашных...
Суровый Б-г становится добрей
В беспечных ноябрях планеты нашей.

Стоят на горизонте декабри —
В мешках заплечных – дивная прохлада...
Январский дождь приходит, как Гран-при,

В обилии ветров и винограда.

О мой клочок страдающей земли,
Прижатый к морю верой в Магомета.
Счастливыми навек в тебя легли
Зимы пророки и святые лета.

Провидцы счастья на полях весны
И плакальщики осени хрустальной...
Тебе одной на свете суждены
Дни воскрешенья в плаче поминальном.

2019

«В историю лезут скопом...»

В историю лезут скопом.
Пример – последствия войн.
И, когда б не случилось потопа,
Мир бы не знал, кто это – Ной.

Слава проявляется орально.
Она – дитя слуха и взгляда.
И генералиссимус Сталин
Её заповедовал стаду...

Великий Иисус Навин,
Славный верою Моисея,
В песок Ханаанских равнин
Смерть, как пшеницу, сеял.

В чём твоя слава, народ?
В обожествлении смерти?
В тягловой мощи из-под
Кожу ласкающей плети?

Все терпеливцы твои —
Непротивленья повесы.
Славы твоей соловьи —
Суть преисподние бесы.

Слава – постыдная боль
Холопов царских забава.
Истории чёрная моль,
Душ нерождённых отрава.

Каждый истории сын
В деяниях славных – нелюдь.
Он в Пантеоне один —
В стены упрятана челядь.

Это о нём говорят – Великий!
Истории кадилом кадя,
Значит, живы предсмертные крики,
Умерщвлённых им походя.

О искусств крикливая свора,
Лицедействующая из голов...
Ты искусствой рукою вора
Из сердец выдаиваешь любовь.

Как идолища, люди, —
В неведеньи зла и добра,
Гонят славы кровавые реки
В день сегодняшний из вчера.

«Так где ж вы нынче, судьи Эвиана...»

В июле 1938 года была проведена Эвианская конференция по проблемам еврейских беженцев из нацистской Германии. Большинство стран, включая Америку, выразили своё сочувствие беженцам, но отказались их принять, поскольку иммиграционные квоты исчерпались.

Так где ж вы нынче, судьи Эвиана?
Всё те же вы, хоть лица и не те...
Вы жгли евреев до последнего цыгана
И растворяли пепел в кислоте.

Отцы крикета и святые гольфа,
Не видели в ночи грядущей тьму —
Твердя — евреи привели Адольфа,
Одна чума другую вызвала чуму.

Мол, пёрлись в профессуру и в поэты
И набивали деньгами зобы...
За то и были призваны к ответу
Вождём национальной голытьбы.

Еврей — он хоть и оседл, а всё же беглый,
Такой же, как соседи, но иной.

Вон в Африке – спокойно дохнут негры,
А эти всюду поднимают вой!

Удел еврея – гонка по этапу,
Чтоб убедить американский МИД,
Он подтверждает справкой из гестапо,
Что он вполне благонадёжный жид.

Не влезли Б-жьих агнцев миллионы
В сто тридцать тысяч вынужденных квот...
Везли, как скот, товарные вагоны
В дымы печей ненужный им народ...

Музейный зал в печали, как в тумане...
В нём души, не сгоревшие в огне...
Христова же – распята в Эвиане,
По-европейски. Ночью, в тишине.

2019

«В том мире, что мы чистим...»

В том мире, что мы чистим,
Где ум обычный глуп,
Каталка полуистин
Везёт сомненья труп.

Ослеплено прозренье,
И пафос бледноват...
Распахивает звенья
Железной связи ряд.

Кислятиной воняет
Привычная брехня.
В стихи её вставляет
Знакомая свинья.

И вывернуто слово,
И дерзок барабан.
И сытое наблёво —
Наблёвано в карман.

Заплакают в платочки
Бесслёзные глаза.
Есть у брехни две дочки —
Голубка и гюрга.

Нет, я не стану злее,
Не разожгу пожар,
Когда меня жалеет
Воспевший Бабий Яр.

И как это ни грустно —
Но правда здоровей.
Любой великий русский
Он, в сущности, еврей.

С его картавой речью
И бледной худобой…
Мессия и предтеча,
Американ-ковбой.

На мандаринском сыплет,
Суров и узкоглаз,
Конфуция пресвитер,
Японский скалолаз.

Никто его страданий
Не может ощутить.
Чтоб накормить пиrarian,
Им надо жизнь прожить.

Быть с Господом на равных
И возлюбить жену.
Быть в море жизни камнем…

И не пойти ко дну.

2020

«В наш новый вѣк шутов и недоучек...»

В наш новый вѣк шутов и недоучек,
В Христовой повести приходов и отлучек,
Что Мартин Лютер нам живописал,
Сокрыта истина, которая скандал, —
Христу удел Мессии не поручен.

В крови Голгофы лишь затлел фитиль,
Который разум тьмою окатил.
И тысячи язычеств пантеон
Был ввергнут в очищающий огонь,
И обращен в кладбищенскую пыль.

Он был не Измаил, а Исаак,
Кому-то друг, кому-то — вечный враг,
Но промысел обрёл обличье Б-га
Не в храмовых стенах, а в синагоге,
В камнях Синая и в его песках.

Сто лет до Лютера разбрзыгалась волна
Святых и грешных, пробудившихся от сна,
Сберегших, как величие души,
Как медные последние гроши,
Торы понятные немногим письмена.

Для наказанья избранный народ,
Одолевал моря не вплавь, а вброд
И силой богоизбранности дерзкой
Творил искусство в этой яме мерзкой,
В миру, где за исходом шёл исход.

Б-г христианен, если он еврей,
Мессия верен функции своей...
Но есть загадка естества и места —
Что есть предназначение еврейства
В куче дерья орлов и голубей?

Служить примером верности доктрине?
Хранить давно ушедшее доныне?
Беречь огонь надчеловечьего ума,
Остаться светом, если выгоднее тьма,
Сажать деревья в вековой пустыне?

Мой бедный Лютер! Ты хотел охристианить
Безумство мук, несогнутую память,
Ответственность за пашни и стада,
И право быть собой везде, всегда...
Грусть этих строк, текущих как вода
В ту вечность, что нельзя себе представить.

«В Одессе на Привозе продают паровоз...»

В Одессе на Привозе продают паровоз —
Усё при нём — и будка, и колёса...
Куда уехать будем — не стоит тут вопрос —
На чём уехать, и цена вопроса.

Об на хер он тут нужен — не идёт разговор,
И, где вагоны, тут неинтересно...
Давай гуртом поедем — просипел старый вор —
На Молдаванку или на Пересыпь.

Торговка тетя Соня, что стоит на бычках,
Сказала — он дойдёт до Петербурга!
Не согласился с ней один профессор в очках,
Но согласился с ней привозный урка.

Сказал: «Ну шо, бакланы, не слабо в Петроград,
Там снова в революцию сыграем,
Сдадим мы комиссарам, чтоб без козыря, карт,
И царскую кладовку общмонаем!»

Потом армяшка Хачик поднял рваный картуз,
И говорит: «Давай влетим в коммуну!
Возьмем оттуда хавки да и выпивки груз,

И я всё это на склады засуну.

Потом себе получим и рыжё, и брильянт
За бабки, шо сторгуем на Привозе,
В Париже загудим, как первый сорт эмигрант,
Поедем и туда на паровозе».

И лишь Семён глядит с тоской на народ,
В рубашечке и шкарах из Торгсина:
«Нас эта сука, – говорит, – лишь на могилу свезёт —
Не продают в Одессе керосина...»

2017

«Если ты уже разбужен...»

В России есть интелигенция, есть...

A. Вознесенский

Если ты уже разбужен —
То сужен
Твой горизонт восприятия Вселенной...
То ли дело — во сне —
Безумие всех мыслителей
горящими буквами по стене!
Инфляционная коррозия золота и плоти бренной.

Там, где мёдом помазано, всё уже сказано —
Словами, красками, звуком,
что виляет по гармонии...
Его и выбирать не нужно —
Выражаешься, как игла на патефоне,
Главное — разом, главное — дружно!

Где погон споротый — там и зад поротый.
Идеал насыщенности жизни —
Ленин на купюрах...
Проклятое механическое
пианино — клавиша — доллар...
В подмосковной электричке

навечно выставлена скульптура
Пьющего человека, разыскиваемого Интерполом...

Интеллигент, как святыня Иерусалима —
Неповторим или неповторима.
В российских провинциях —
Шампань, Кремона, Сицилия, Тоскана,
В предгорьях Алтая
и другой географической путанице —
Таких, как Ненецкая автономия...
Или как у кита — незаживающая рана,
Или культурка — сытого жуира голодная спутница.

В роли дежурной бляди или щепки в водопаде
В России есть интеллигенция,
как отрыжка после обеда...
Как дежурная мученица на ведьмовской костёр...
То ли совесть, то ли народный парк
в металлической ограде —
Сэры артуры, леди гвендолен,
многочисленные анны и прочий сор...

И, как машины на заводах Форда,
Конвейерно лезет в российскую интеллигенцию
каждая жидовская морда.
А за ними, как энергия в батарею, —
ничтоже сумняшееся проникают евреи.

Вид сверху

Я строил дом из щепок и осколков.
Задумал замок, небоскрёб и храм...
А выстроил невзрачную избёнку
С иллюзией пространства голых рам.

Её воображаемые шпили
Укоренялись в мраморе колонн.
А золотые луковицы пыли
Окутывали каменный донjon.

Вились спирально ауры растений,
Опёрся о мечту небесный свод...
Я строил для грядущих поколений,
Что смогут пережить тяжёлый год,

Вобравший наступившее столетье
Верховенства технических обид.
Его ополоумевшие дети
Сбивают свои головы с орбит.

До стона укорачивая мысли,
Любовью занимаясь по свистку...
Они себе полпамяти отгрызли,
В них не прибудет нашего полку.

Свой дом я строю из костей надежды,
Из пластиковой веры в чудеса.
Я буду жить в нём так, как жил я прежде,
Не взвешивая время на весах.

И, выросший в горбатом переулке,
Он будет прям и истинно высок.
И просто так, случайно, на прогулке,
В него зайдёт наш всемогущий Б-г.

И я спрошу: «А может быть, не надо
Нагромождать на совесть знаний чудь?
И вкладывать талантливому чаду
Холодный камень в пламенную грудь?»

Он улыбнется, не смутившись даже:
«Таков наш мир, такие времена...»
Мой дом сгорит, и на холодной саже,
На плаче щепок вырастет стена.

2020

Всё путём...

Поднимаешься вверх, опускаешься вниз,
Прежде чем открываются дверки,
Чтобы спуск не спустил спусковой механизм —
Предъяви документ на проверку.

Можно красную книжку с двуглавым орлом,
Иль своим глазом — к ихнему глазу...
Можно морду лица, или просто баблом,
Или пластиком, годным к показу.

Можно просто сказать — пацаны, это я!
Вдруг тебя по портрету узнают?
Но скорее заявят — полегче, свинья,
Здесь всегда документ предъявляют!

Предъяви документ, что не ихний агент,
Что тебе невозможное — можно!
Что не псих, а как все, — постоянный клиент,
Получивший вакцину подкожно.

И вблизи тебе путь преграждающих лент,
У оград и щитов полицейских,
Чтобы выжить — всегда предъявляй документ
До команды: «Внимание, целься!»

Протестуй с документом, что ты – это ты,
Будь готов, что в судах и больницах
Тебя ждут не надежд наградные листы —
Боль и скорбь на запретных страницах.

Всё, что жизнью зовётся на этой земле, —
Сумма цифр разрешений для входа.
Ты – лишь образ на том, запотевшем стекле,
Где тебя охраняет погода.

Даже если на всё ты припас документ,
Ты богат, Б-г веселья и грусти...
Президент, нобеляр, чемпион, джентльмен —
Всё равно тебя где-то не пустят...

Но и в этом аду не пристало грустить,
День придёт – вы его не ищите...
Там, где будем мы все, под табло «Пропустить»,
Скажут ангелы вам: «Проходите!»

Вы им скажете: «Что, проходить просто так?
Вы серьёзно? Идти? Без облома?»
Вам ответят служители божьи: «Чудак,
Здесь без пропуска – вы уже дома».

«Всё, что ушло, всуе-всуя...»

Всё, что ушло, всуе-всуя!
И в тару сунули останки...
Лениво сходятся края
Заржавленной консервной банки.

Мир грешный давится слезами
И кулаки во рту мусолит.
Взывает он: «Меня возьми!
А этого – оставь на воле...»

Там, где на хаме выжил хам
И отдала стерня надхлебок,
Назло усопшим петухам
Лишь вороньё кричало с неба.

Молились истово прикладку
Сгоревшей церкви муравьи...
И оставалась лишь загадка
От храма Спаса на Крови.

Здесь распустился эфемерно,
Во всей красе – один за двух,
Зелёным символом Минервы
Ошеломительный лопух.

Под ржавой охрою закат,
Креняясь, напоминал о ночи...
И свет, что низким солнцем свят,
Был слаше, гуще и короче.

Брело мычание коров,
Измученное жаждой дойки...
И звёзды обретали кров,
И ждал коньяк у барной стойки...

Комками красок полотно
На почту шло, как взгляд в конверте.
Само себе подчинено
Для новой жизни после смерти.

Молились истово глаза
Невероятному в невнятном,
Чего уму принять нельзя,
Но сердцу бедному приятно.

Музейный зал задул свечу,
Стекают мрамором ступени...
Спускаясь, всё ещё лечу,
И на лету болят колени.

2020

«Всему виной головоногие моллюски...»

Всему виной головоногие моллюски
И за растрату осуждённый квark.
И ложь широкая, и взгляд на правду узкий,
Как говорил нам старина Плутарх.

Сушёные коровьевы лепёшки,
И ставшая физической любовь...
Всему виной несъеденные крошки
И в черепах проросшая морковь.

– Я обвиняю! – мы с Золя талдычим.
А всё ж антиеврействует народ.
Мол, у евреев есть такой обычай —
В чужой совать прожёванное рот.

Заткнитесь, дервиши, молчите, пилигримы!
К чему тупой нервический базар?
Нас любят все – в Антарктике пингвины
И северокорейский комиссар.

В нас влюблены дворцы и пирамиды,
Мы – суть, мы галактический стартап!
Всё человечество – еврейские гибриды!

Плюс ныне президентствующий Трамп.

Так что конец еврейскому вопросу!
Тору напишем с чистого листа.
Нагромождение времён подвергнем сносу,
Возьмём патент на нового Христа.

Сгорим опять на жарких углях Рима
И задохнёмся в газовых печах...
Жидовская судьба определима,
Если раскинуть карты при свечах.

Нет для евреев большего страданья,
Чем ощутить, как вечность, благодать...
Еврейскость в человечестве воспрянет,
Лишь удостоившихся за истину страдать.

2020

«Говорят, что строг товарищ Путин...»

Говорят, что строг товарищ Путин
В постдемократическом ражу!
Он меня до плинтуса опустит,
Если я не вовремя заржу.

И в сортире он уконтрапупит
Тварь, что под колодою лежит...
Но евреев трепетно он любит,
Даже если заграницен жид.

Если вы шажок хотите сделать,
Чтобы в счастье и покое быть,
То переносите ваше тело
В дым отечства, чтоб там его коптить.

Пусть придут к вам очередь и ругань,
И, в палатках, злые комары...
Но зато не будешь ты напуган
За твои пейсовые вихры.

Не снимай ты кипу даже в бане
И мезузу вешай на трамвай...
Лапсердак надень на дядю Ваню,

А бухнул – «Ха-Тикву» запевай!

И никто тебя не потревожит,
И никто не спросит: «Ты еврей?»
Всё, что привезёшь с собой, умножит
Состоянье родины твоей.

Будешь ты любим, как мусульманин,
Богоносным, как и весь народ.
С Путиным ты сможешь на татами
Проводить в борьбе хоть круглый год.

На налоги будет тебе скидка —
В деле мира будешь ты оплот.
Пересядешь в «Ладу» из кибитки
И в надел получишь огород...

Строг, но справедлив товарищ Путин!
Коль помрёшь ты, даже без портока,
Вместо простыни тебе отпустит
Кубометр напиленных досок.

Чо ты ждёшь, пархатая загранка?
Приглашают – бебехи сбирай!
Ждёт тебя крупа родная – манка,
И в Биробиджане каравай.

Вот не сплю уже вторые сутки —
Наполняю ящики в бреду...

Жди меня, родной товарищ Путин,
Жди меня – и я к тебе приду.

Мы сольёмся в дружеском объятьи...
Будем мы теплом друг друга греть...
Это же, друзья, какое счастье —
На земле российской умереть!

2020

Год 2020

Человек, родившийся в двадцатом,
Двадцать первым взорван изнутри.
Ставят на кишечнике заплаты
Социальных связей упыри.

Человек действительностью болен,
Нервыми стихами шекспиря,
Языком церковных колоколен
Новый век облизывает зря.

Сквозь таможню времени обиды
Он пронёс в холодную жару,
Где америк мартовские иды
Заигрались в грязную игру.

Лжеидеи квазидемократий,
Философский зуд прямой кишкис...
В колоноскопии новых партий
Отмывают старые грешки.

Он в свободе ложной несвободен,
В теле – раб, в душе – ещё товар...
В армию софтверников не годен
И сизифовой беспомощностью стар.

Милый мой, усталый жеребёнок
На бестравье нынешних пустынь...
Аутсайдер предпродажных гонок,
Морщась, поедающий полынь,

Не взнудзать тебя петлёй железной,
Не вогнать под брюхо шенкелей...
Век двадцатый – твой канат над бездной —
В двадцать первом веке не жалей.

Кто сказал, что вниз уводит старость,
Что удар о смерть прервёт полёт?
Памяти твоей крылатый парус
На куски действительность порвёт.

Он пришёл – компьютерно-холерный...
В нём ошейник старый не разнять...
Здравствуй, век проклятый – двадцать первый!
Умерла, тебя рожая, мать.

2020

«Гордись, израильский народ...»

Гордись, израильский народ, —
Вновь в нашу жизнь пришёл регламент!
Тебя хранит в коронный год
Несостоявшийся парламент.

Штаны, протёртые до дыр...
Ещё вчера — бычок в томате,
Оплаченный тобой визирь
Возник, как говорят демократии.

Теперь понятно — что куда!
И ты, короною истерзан,
Без сожаленья и стыда
Поддержан будешь министерством!

Пускай живот тебя прижал —
Ты обращайся без горячки
Сперва к министру пердежа,
А после — в министерство срачки.

В прививке каждой — наночип,
И министерств теперь как грязи...
Грешишь на качество мочи,
Пожалуйста — к министру связи!

К министру Негева – в жару,
В мороз – к министру Галилеи.
К министру солнца – поутру,
В запор – к министру диареи.

Теперь здоровье нам хранят
Структуры полдесятка видов —
Министры вирусных палат,
Министр палат для инвалидов.

В строительстве – там вообще —
Пришло в разделе единенье —
Министр сложенья кирпичей
Слит с министерством разрушенья.

И оборона хоть куда —
Теперь всё ясно и понятно!
Коль наступать – министр туда,
А отступать – министр обратно!

В образованьи, как в дыму,
Всё сделано по Божьей воле —
Министр ученья на дому,
Министр по карантину в школе.

Финансы девственно строги,
Ясны – от переда до зада —
Министр финансовой пурги,

Министр покусыванья вкладов,

Министр кладбищенских могил —

Он темпы увеличит втрое!

Министры красок и белил

Замажут небо голубое.

За безопасностью внутри

Блюдёт культуры министерша.

Что в телефон ни говори,

Улавливают уши СМЕРШа.

За экономикой следит

Министр закрытого бинокля.

Воображенья инвалид

Всплыл, как продукт, что был утоплен.

Сложны наружные дела —

И там возможности отверсты —

Рука правительства ввела

Вместо посольств — министерства.

Ну да — народ не виноват.

Ну, не учли размеров рамы...

И с теми, кто отжал мандат,

Пролезут контрабандой замы

В гешефтный срок премьер-министр

Нам продублирует премьера,

Который над судом завис,
Борзых щенков набрав без меры.

Лишь в министерстве Б-жых дел
Власть безусловна и едина —
Владельцы всех наркомых тел
Совета просят у раввина!

Лехаим, избранный народ!
Возрадуйся! Умри от счастья!
В потопе мессианских вод
Святой... Немножко грешной власти.

2020

«Мир грешен, жёсток и неласков...»

Сегодня вновь по местному радио слушал страстные комментарии по поводу 15-миллионных катарских траншей в Газу. И о том, что на этот раз все деньги будут разданы нуждающимся. И как-то так защемило внутри...

Мир грешен, жёсток и неласков...
В нём милость – редкостный товар.
Пятнадцать миллионов баксов
Вновь в Газу передал Катар.

По-братски – как суннит сунниту
Дал в третий раз – он не трепло!
В семью – сто долларов на питы —
Они ж не платят за тепло.

Выходит – здешние арабы
Чтут свой пророческий завет —
Коль плачут пожилые бабы,
Несут копеечку на хлеб.

А где-то, на пупу Европы,
Синеет мёрзлая страна...
В ней угля нет, и газ истоплен,

Она на милость голодна.

В ней старость – от стыда желтеет,
И нагло голубеет власть.
В ней ничего уже не зреет,
И ниже некуда упасть.

Сыны её сыты в Канаде,
В добре Америк, Аргентин...
Желтоголубят на параде,
Но денег не дал ни один.

Жиরуют дядьки в вышиванках,
Но любят неньку вдалеке...
И мрут голодные гражданки
На украинском холодке.

Попы за веру точат сабли,
На выборах – экстаз толпы!
Но снова палкой лупят грабли
Ей окровавленные лбы.

Где ж ты, общинной воли милость,
Где братство равных во Христе?
Пока катарство не явилось,
Народу умирать в посте?

Преснись, земное украинство,
Отверзни душу и карман!

Не дай замёрзнуть в поле чистом
Милюнам бывших горожан!

И накорми больных и старых,
На свой достаток позови!
Для украинцев нет Катара!
Так дай хоть капельку любви...

2019

«Да, есть невидимая жизнь...»

Да, есть невидимая жизнь —
Скачками тигра, когти в тушу...
Вне воздуха, воды и суши
Полна похвал и укоризн,
Сознанье, возвышая, душит.

А в чёрных оставах дерев
Она листки не выдувает...
Здесь белизна её линяет,
Когда проклоняется посев,
И в небеса собака лает.

Её незаткнутая течь
Грозит отверстою пучиной...
Оплетен угол паутиной —
В её кругах застыла речь
Фигурой грешницы невинной.

В непроявлении вовне
Она, как скрученный пергамент,
Безмолвных призраков парламент
И алый лозунг на стене,
Который завтра кровью станет.

В ней скакет бронзовый гонец
С приказами Наполеона...
И, полный царственной истомы,
Явлен ещё живой отец,
Сквозь инвалидности ведомый.

Какие-то долги себе,
Водопроводных труб отливы...
Коней заплетенные гривы,
Зерно седое в молотьбе
И смерти оползень счастливый.

Она честна, как старый друг,
В искусства изначальной.
Так – в сапогах и платье бальном
Кружит в бряцании заслуг
Перемещением кандалым.

Моим желаньям не ровня,
Чужим законам неподвластна.
Не счастлива и не несчастна,
Она течёт внутри меня
То кровью голубой, то красной.

2021

«Да что ж за мир, в котором мы живём...»

Да что ж за мир, в котором мы живём?
Всё вроде бы, да как бы, да похоже...
За само-то вам съезжают по роже,
А то и вовсе схрумкают живьём.

Не мрут сегодня за царя и веру,
Отечеством торгуют за гроши...
В религиях воняет атмосфера,
И в горле правды ото лжи першит.

На совести, как пятна от консервов, —
Откаты мастеров заплечных дел...
Гуляют эпидемии от нервов
По жизненным узлам усталых тел.

Идеи, словно девки на продажу,
За членство отдаваясь по рублю,
Свободою наручники измажут
И скрутят всем из колбасы петлю.

Возьмут на телефонную поклёвку,
Обжидят в интернете до борща,
И демократию, зачатую винтовкой,

Её штыком зарежут сообща.

И всех придурков, честных до болячки,
Способных в стену врезаться быком,
Уложат в телевизорную спячку
Ладанно-кокаиновым дымком.

А пара-тройка импотентов мысли
Напишут книги на помин души...
О том, как щи без охлажденья скисли,
Как вечера в России хороши,

Что безопасен секс по телефону,
Семья свята, но Родина святей...
И в упряжи российского Катона
На переправе не меняют лошадей.

2019

День единения...

День этот был омерзительно гадок:
Поутру выпал не снег, а осадок.
Скверную пыеску сыграла природа
Этим рожденьем денёчка-урода.

Но не впервые российскому духу
Переварить вместо хлеба макуху...
С радостью вновь затянуть пояса,
Чтоб единилась Россия-краса.

Чтоб её мужество вновь милосердно
Миру нерусскому было по нервам!
Чтобы Матильда была Магдалиной,
Чтоб наслаждаться тёплой трясиной.

Так сострадать, как умеет Россия,
Мог только добрый библейский Мессия —
Милость свою к неживым проявлять —
Так нас учила Родина-мать!

В том единенъи, как партия учит,
Слиты татары, чеченцы и чукчи,
Храм православный, бурятский дацан
И каждый правильный русский пацан.

Баре бюджетные из благородных,
Электорат из больных и голодных...
Блеск клоунады в бесспорном спору,
Где на зарплате каждый гуру.

Если экран твой засрать изнутри,
То не очистится – сколько ни три!
И развлекают отравленной слизью
Зомбилюбителей ложных коллизий.

Дисутопический день единенъя —
Тесто к пампушкам единого мненъя.
День легитимности дев и блядей,
День извращения мозга людей.

Грязной рукой, иностранец, не трожь
Нашу исконно российскую ложь!
Ложь – как цемент единенъя страны!
Лжи – нашей правде – будем верны!

2019

День Победы

А ведь когда-то были белые цветы...
Их лепестки таинственно светились
Забавой света в теле пустоты,
Надеждою, помноженной на милость.
Грибы ещё на трупах не росли,
Тела, обледеневшие до звона,
Себя самостоятельно несли
На фланг остервенелой обороны.
Ещё не замыкали Ленинград
Стреляющей кладбищенской оградой,
Ещё бесстыдно верил стар и млад
В то, во что верить было надо...
Ещё жила огромная страна
В полубреду насилья и утопий...
Но небеса уже чертили знак
Над обречённой бесовской Европой.
Жрецы сатрапий рвали на делёж
Бесхозно несвободные державки,
Кроил земную плоть мясницкий нож,
Срезая стыд и честь, как бородавки.
Схватились два безумца за грудки,
За пайку славы, за режим в блатхате.
И двинулись слепые ходоки
Не драться насмерть – просто умирati...

Полечь от немохи, от грязи и от вшей,
От голода и злобной пьяной дури.
От рвущих плоть военных дел клещей
И клёкота железных птиц в лазури.
О выжженные избы вокруг печей,
О трубы их, стоящие, как члены!
О миллионы близких, чей ничей
Труп догонал на противне геенны...
Кто вас спросил, жиды и русаки,
Французы, немцы, бритты и цыгане —
Какие неоплатные грехи
Вы искупляете в кровавой этой бане.
Зачем вас полуграмотный комбат
К Ваалу в печь без счёта пошвыряет...
За что сжигали, как дрова, солдат,
Которых бабы снова нарожают?

«О День победы, майскою Москвой...»

О День Победы, майскою Москвой
В бесценное спасенье упоённый!
Салют, парад, блаженных глоток вой
И плених гадов жалкие колонны...
А что цена? Мы за ценой не постоим,
А надо будет – полстраны положим!
На том стояли, и на том стоим,
И новому врагу дадим по роже.
Не сдох наш вождь и не утратил понт.
Идею по-научному И снова
Загнал в окопы трудовые фронт —
В погибель неубитого любого...
И снова ложь, полунаамёки, сплетни,
Политпросвета долгие часы...
Из-под полы – одёжа, кони, лепни,
Часы, трусы и палка колбасы.
Вновь годы неспонтанного искусства,
Великой полуправды-полулжи.
Вновь жидкко дальним, вновь близким густо,
Вновь жёны-пушки и братья-ножи.

«Что ж предъявить “свободному” народу...»

Что ж предъявить «свободному» народу,
В асоциальную пургу и круговорть —
Честь и достоинство? Бетховенскую оду?
Или «геройскую», бессмысленную смерть?
Тела, забитые в окопы, танки, доты,
В которых догонала мысль: «За что?»
Рождённые для жизни и работы,
Которые им время не зачтёт.
Мы не простим, не спустим, не забудем!
Вот танки, самолёты, вот — бойцы.
Мы снова милуем, а если нужно — судим
Проклятых раздувателей пыльцы.

«О люди-волки, ящерицы, львицы...»

О люди-волки, ящерицы, львицы!
В любой войне, увы, победы нет.
А есть привычка мёртвыми делиться,
Чтобы живых им убивать впослед.
Есть Память. Горькая болезненная жалость,
Тупая боль у сердца под ребром.
Слеза, которая в подглазье заплуталась,
И чувства, приоткрытые пером.
Есть Праздник Памяти. День человечьей клятвы —
Не превратиться в роты и стада!
Не допустить в полях кровавой жатвы,
Не звать беду, чтоб не пришла беда.
Благословляю вас, коль вы согласны...
Вглядитесь в правду, не смыкая глаз, —
Лишь мы одни над нашей жизнью властны,
Над нашей памятью и памятью о нас.

2018

«Мои наручники откроет симбиоз...»

В сегодняшнее смутное время концепция «Прагматического умиротворения истории» Фрэнсиса Фукуямы, которую он выразил формулой: «Либерализм – потребительство – дальне тишина...» – переведённый затем в новую «движущую» типа «столкновения цивилизаций» Сэмюэлем Хантингтоном, обрёл стараниями еврейских нуворишей (Александра Машекевича и др.) продолжение в виде т. н. «диалога цивилизаций forever», предметом которого является «неизбежная осознанная толерантность человечества.

Не могу согласиться. А вы?

Мои наручники откроет симбиоз.
За тёплый угол не придётся драться.
Мир, что в дерымо своё по шею врос,
Спасает диалог цивилизаций.

Честь, в межреберье, лезвием ножа
Проткнёт достоинство зверушки социальной.
Придёт закон, уж не забор – межа,
И счастье, словно грех, пребудет свальным.

О Господи! Кому мне быть своим

По признаку прозренья и зачатья?
Чьего отечства тюремный слаше дым,
Где бродят мои истинные братья?

Где ждёт меня прощенье за грехи,
Где вдох последний будет признан горем?
Какой язык вберёт мои стихи
В метафоричном сленге аллегорий?

Чей Б-г сильнее, если он один,
Где больше платят слабым и никчёмным?
Где равно счастлив раб и господин
И неортодоксальны теоремы...

Чей диалог – он пастбище идей,
Балет изящных встречных пониманий?
Патрицианский форум сверхлюдей,
Премудрых пескарей и их пираний...

Что может сблизить вечность пирамид
И групповой восторг всемирной бойни?
Где вымолил гражданство Вечный жид,
И где воскрес замученный покойник?

Я плачу над собой, ещё живым,
Который до рожденья принял Б-га.
И в мыслях, что обмениваюсь с Ним,
Надеюсь на подобье диалога.

2020

По поводу романа Димы Быкова «ЖД»

Да, я не Рюрик по лицу...
По Золотому по кольцу
Как исторический этруск,
Беру я с Блоком в жёны Русь.

Пусть невзаимно холодна,
Пусть серая, пускай стена...
Зато язык творит такое —
На чём стою и сколько стою.

Во мне бессмысленны доктрины,
Черны витрины и картины,
Я чую правду: все помрём,
И не хрен рыть под фонарём.

Я не поэт, насильник чести,
И не сидится мне на месте —
С избытком задаю я жару
Всем обтатаренным хазарам.

И в гуще отрицаний прочих,
Отрину всех, на них охочих.
Ведь жизнь — говно, и смрад её

Определяет жадовьё.

С их помазанием и мирром
Ты не закроешь мира дыры.
Я всей поэзией моей
Не уважаю жидовей.

Ведь, если русский просто быдло,
То жидовин – его повидло.
Коль русака немного сжать —
Он начинает вылезать.

В своей поэзии высокой,
Из них выжамкиваю соки.
И их шумерские истоки,
И небиблейские пороки.

Всё влезет в жерло мясорубки,
Леса годятся для порубки...
И, доворачивая ручку,
Я собираю мысли в кучку.

И всё выходит очень просто,
Жизнь – от рожденья до погоста,
И со словами и без слов,
Вся – от жирка и до мослов,

В ней истина одна и та же:
Что правды нет – а есть погаже,

Что есть жады и в каждом жаде
Нам что-то, или кто-то, гадит.

То срёт в культуре, то в науке,
А то – в твоём нерусском внуке.
Порой – в словесности российской,
Всегда – обрезанною писькой.

А их жадовская деньга —
И зелена, и дорога.
Я своим взглядом – мир объемлю!
За нашу правду жру я землю.

Пускай разделятся навек:
Там жидовин, здесь – человек.
А между ними полукровки
Снуют, как божий коровки.

Я – за российскую бузу
Я – за оплату и пайцзу
За толерантность несвободы
И за естественные роды.

И в жопу ЛГБДТ,
Их НТВ и ОРТ.
Они ж, мля, эти супостаты,
И все нахальны, и пейсаты.

Ещё чуть-чуть загнуть носяры —

И натуральные жидяры.
Им мало спротого по блату
В степях арабских каганата.

Нет, на российские просторы
Нацелились, жуки и воры.
Ну, мы вас встретим в полный рост,
И приготовим ходоркост.

Мы вам пообрзаем жалы
И всех отправим за Уралы.
Я, как прозаик и поэт,
Осознаю теченье лет.

Я вам открою свой завет:
Всяк жад хорош, когда скелет.
И неча скалить рот, балды,
Послушайте меня, жады,

Святая Русь – лишь русских мать, —
Чтоб их любить и их имать.
И если вы о ней скулите,
То не на русском – на иврите.

Сыны по матери, по русской —
Родные норды и этруски,
Плюс скифы, викинги и чудь,
И позабытый кто-нибудь —

Привет – на этом я кончаю.
И вместо кофе пью я чаю.
Я сам шуткую, сам быкую,
Когда смиряюсь, то бунтую.

Побравшись бритвою Оккама,
Себе отрыл в России яму.
А там – молчание ягнят.
Мне даже снизу не стучат.

2019

«На вопрос об отношении к Израилю...»

Дмитрий Львович Быков (Зильбертруд) – один из самых профессиональных современных критиков и создателей российской и мировой литературы.

Он по-доброму человечен и доступно обыкновенен, и в то же время феноменально памятлив, образован и искренен.

Как ремесленник – это слесарь-лекащик б-го разряда, а в области конструирования – это Лавочкин литературного суперлайнера с поэзией, романистикой, драматургией и критикой на борту, где подают потрясающую выпивку и вкусную еду.

Не имея ни одной привычно значимой литературной премии, не награждённый орденами отечества, он тем не менее является одним из лучших в литературной среде писателей-матричников, чьи теории словесного творчества, математически выверенные и романтически возвышенные, связаны кровотекущей пуповиной с реальной жизнью в её наиболее актуальных проявлениях и светотенях XIX, XX и XXI века.

На одной из своих многочисленных лекций для русскоязычных эмигрантов в Америке Дмитрий Львович, отвечая на вопрос, почему он не любит Израиль, заметил, что Изра-

иль он любит, как и евреев в нём, но считает ошибкой попытку «почвенного» решения еврейского вопроса, т. е. создание государства только и исключительно для евреев, – что-то вроде еврейского дома, гарантирующего и еду, и защищту, приспособив для этого спорные территории. И тем самым как бы приземляя исторический, философский и эмоциональный смысл еврейской жизни.

Я попытался облечь эту мысль в более или менее поэтическую форму несколькими строфами, написанными вроде бы от его имени, чтобы вы, читатель, разобрались с самим собой по поводу мыслительного загиба серьёзного публициста, который, конечно же, и в нём был и остаётся евреем. Хочу лишь заметить, что моё личное мнение по этому вопросу не совпадает с замечаниями «виртуального» Дмитрия Львовича.

На вопрос об отношении к Израилю
Скажу прямо: я не в восторге...
И от патриотизма несколько сусального,
И от здравого смысла, мёрзнувшего в морге.

Евреи – образец пиетета духовного!
На них даже ангелы косились...
Служа офицерами Генштаба у верховного,
Они взяли и, бабах, приземлились.

Предпочтя глубокому узкое,

Покинули небесные чертоги веры.
И железной поступью пришли еврорусские,
Там коммунисты, здесь – пионэры!

Туда, где рыбу ловили пророки в Кинерете
И кудрявились шерстью библейские овцы,
Пришли мученики чёрной эзотерики
И постиспанских храмов торговцы.

Когда-то мы дарили миру поэтов,
Финансистов, духовников и лордов...
Но почему-то на землю святую эту
Репатриировались «жидовские морды».

Здесь Иосиф радовался рубашке в полоску,
В сознании вера играла шампанским...
А вами России был подарен Троцкий,
А великой Америке – Меер Ланский.

Здесь сиял Вавилон светом нездешним.
Отшельники сберегли Тверию и Явне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.